

Сын своего отца

Автор:

Марина Кистяева

Сын своего отца

Марина Анатольевна Кистяева

Иван Коваль уважал двух женщин – маму и сестру.

Его не могли увлечь ни стервы, ни трепетные лани.

Его позиция была четкой – женщинам не место в армии. А раз пришла, будь готова к последствиям.

Слава не служила в армии. Но была вынуждена надеть армейскую форму, чтобы исполнить последнюю волю деда.

И уж тем более не была готова к встрече с полковником Ковалем.

Военная база давно превратилась в заповедную зону для «шишек» из Управления.

Слава оказалась не в том месте, не в то время.

И осталась наедине с мужчиной. В доме, в который очень стремилась попасть и из которого теперь мечтала выбраться.

Марина Кистяева

Сын своего отца

Глава 1

Надя смотрела на кухню и размышляла.

Да или нет?

Послать её или нет?

Послать – не в смысле отказать. А в смысле направить по одному адресу.

«Помощь», конечно, с подвохом, но Слава об этом ещё не знает.

Знает только Надя. И ей предстоит решать.

Она закурила и сразу же увидела, как кухня поморщилась. Даже рот открыла, чтобы попросить её потушить сигарету, но в последний момент передумала, лишь недовольно поджав губы.

Дрянь мелкая. Надя тоже поджала губы и наигранно медленно выпустила сигаретный дым.

Потерпит.

В конце концов, это Славе от неё нужна помощь.

Надя снова посмотрела на молчащий пока ещё телефон.

Так да или нет?

Скоро с неё спросят, и ей надо будет дать ответ. Вернее, надо будет кого-то отправить.

На базу.

Куда очень хочет попасть Славочка.

Наивная, романтическая дурочка, до сих пор верящая в то, что если ты не причиняешь вред другому, то и тебе никто не сделает ничего плохого.

Зря Слава не послушалась отца и выбрала исторический факультет, отказавшись поступать в военное училище. С её внешними данными она быстро продвигалась бы по «служебной» лестнице и, определенно, не вышагивала бы по плацу в берцах. В марш-бросках тоже не участвовала бы. Скорее, приезжала бы на полигон с полковниками или даже с генералом. В их часть часто большие «шишки» заглядывали.

Слишком часто...

Слава обладала интересной внешностью. Необычной. Яркой. Невысокая, с копной непослушных светлых волос и кучей веснушек, которые она никак не скрывала. Не пыталась вывести, замаскировать. Носила их, как некое достоинство. Смешно, честное слово.

Стройная, но округлая в нужных местах. Грудь на месте, охрененно тонкая талия, переходящая в крутые бедра. Как дядя над ней подтрунивал: статуэточка. Ласково всегда говорил, и на дочь смотрел с нежностью. Гордился ей.

А Надя дико завидовала. И осознавала это. Сначала было не по себе. Отец Славы, Михаил Потапович, принял Надю, как родную дочь. Когда у той в аварии погибли родители и встал вопрос о том, чтобы определить девочку в детский дом, он поднял связи. Сначала ему отказали в опеке, потому что Михаил Потапович сам воспитывал дочь в неполной семье. Жена умерла при родах, и он больше не женился. Не от большой и светлой любви к матери Славы, а потому что его устраивало быть холостяком. Маленькая Слава больше времени проводила у бабушки, не обременяя его лишними хлопотами. Так, приедет на каникулы в очередную войсковую часть, побудет недельку-другую и снова к бабушке.

Почему Михаил Потапович решил обременить себя ещё одним ребенком – непонятно. На тот момент Наде было тринадцать, в детский дом она попасть не

жаждала и ластилась к дяде, как только можно и нельзя. Обещала быть послушной, не доставлять лишних хлопот. Да что говорить! Надя собиралась обслуживать взрослого мужика, заменив ему домработницу. Про секс она, естественно, не думала. Они родственники.

Михаил по итогу удочерил её, и именно она с ним моталась по гарнизонам, терпя новых любовниц, которые её иначе как «принеси-подай» не воспринимали.

Дядя хорошо к ней относился, никогда не обижал. И Наде даже казалось, что он смог её полюбить, как дочь.

Но всё менялось с очередным приездом Славы.

Долбаной статуэточки.

Она врвалась в их отлаженную жизнь, наводила шорох, отодвигая Надю на второй план. Почему, черт побери?! Это она постоянно находилась рядом с Михаилом Потаповичем! Не Слава!..

Надя затушила сигарету и посмотрела на кухню, которая, кстати, снова заявила без приглашения. Позвонила накануне и как бы невзначай поинтересовалась, где Надя служит. В какой войсковой части. Несколько раз уточнила. Надя, конечно, в свою очередь поинтересовалась, какой у Славы интерес, но та извернулась.

А сейчас стояла перед ней и хлопала длинными ресницами.

Причем Слава подготовилась.

Потому что знала, что Надя может выписать ей пропуск на базу.

– Надюш, мне очень надо. Очень.

Надя закинула одну ногу на другую, отметив, что пора наведаться на эпиляцию.

Испытывала ли Надежда чувство вины? Сложный вопрос.

Слава всё-таки ей кузина. Родственная душа. Одна кровь... Но они не сестры.

Опять же... Надя не была уверена, что поступила бы иначе, будь Слава ей родной сестрой. Как говорят в народе? Своя шкура ближе? Вот-вот.

К тому же Слава никогда не пыталась подружиться с Надей. Справедливости ради стоит заметить, что и последняя не проявляла рвения.

Поэтому... Пофигу.

- Доступ в дом я тебе обеспечу.

Надя решила дать Славе последний шанс.

Мало ли...

- Ты так и не скажешь, зачем тебе туда надо, Слав?

Давай, скажи, и она отменит всё. Найдёт причину и возможность попасть на базу, когда там реально, кроме лениво прохлаждающейся охраны, никого не будет, тогда они спокойно сделают свои дела и уйдут незамеченными. Надя даже камеры подчистит, если девушки внезапно на них засветятся. Делов-то.

Но Надя знала: Слава ничего не скажет.

- Прости.

- Понятно. Я помню, что крестный там какое-то время работал.

Слава кивнула, после чего порывисто поднялась со стоящего напротив кресла и подошла к окну, повернувшись к кухне спиной. Та снова лениво прошла по фигуре гостыи.

Хороша, сучка.

Сама Надя тоже не жаловалась, природа наделила её длинными ногами, а регулярные занятия фитнесом дали хороший результат в виде тонкой талии и попы-ореха.

Но Славе... Черт, Надя и сама с ней переспала бы.

Если та, конечно, заплатила бы деньги.

Глаза хозяйки недобро блеснули.

Слава нервничала. Сжала ладонями подоконник.

А может, Надя заблуждается, и кузина точно знает, что делает?

Куда лезет.

Но следующий вопрос девушки развеял мимолетную мысль:

– Надя, там точно никого не будет?

– Никого.

Кроме полковника Коваля.

Испытывала ли Надя чувство вины? Нет и ещё раз нет. Она после прошлого раза с Ковалем не отошла. А деньги у неё уже на счету. Её просили найти покладистую девочку-курсантку.

Слава идеально подходила. Плюс сама напрашивалась.

Заявилась к ней с просьбой помочь пройти на тщательно охраняемую базу. Не дура ли? На закрытую базу, пусть и давно не функционирующую! Да вся округа знала, что туда шлюх возят для больших мальчиков.

Коваль был не просто большим мальчиком.

Получается, Слава собрала информацию про саму Надю. И всё.

Остальное оставила на усмотрение судьбы.

Почему, собственно, Надя удивляется? Слава всегда была чокнутой. В деда. Тот был знатным чудаком. С ним Надя никогда не могла найти общий язык. Хотя тоже пыталась. В детские и подростковые годы ей важно было знать, что она нравится другим людям, и Надя прилагала титанические усилия, чтобы так и было.

В отличие от Славы. Той ничего не надо было делать. Только лишь появиться. Она входила в комнату, и сразу же всё внимание переключалось на неё. Причем обычно Слава одевалась кое-как. Какие-то штанишки, непонятные этнические юбочки. Вечные балетки и мокасины. Выросла, а мало что изменилось.

– Только один момент, – Надя продолжала прощупывать почву. Ей даже уже стало неинтересно, зачем Славе надо попасть на закрытую территорию.

Откровенно всё равно.

Слава давно напрашивалась.

Надя наблюдала за реакцией кузины. Происходящее явно ей не нравилось. Слава даже побледнела немного.

И куда ты, такая трепетно-наивная, лезть собралась, а?

– Какой? – Слава сразу встрепенулась и обернулась, прижавшись поясницей к подоконнику.

– Я смогу помочь тебе именно сегодня.

– Как? Сегодня...

– Угу.

– Но я... – Слава не договорила, сведя брови на переносице. Надежда посмотрела на пачку сигарет. Выкурила она уже достаточно, а вот выпить не откажется.

К тому же повод есть.

К ней в третий раз обратились с приказом подыскать подходящую девочку.

Два часа назад позвонил майор Догилев и сразу перешел к делу:

– Надюша, значит так. Скажи-ка мне, золотце, как у тебя обстоят дела с первокурсницами?

Надя напряглась, сильнее сжав трубку.

– Игорь Витальевич, а что конкретно от меня требуется?

– Не по уставу разговариваешь!

– Исправлюсь, товарищ майор! С первокурсницами у меня... нужные отношения.

Надя второй год тщательно изучала дела всех девочек, что поступали в училище. Кого-то отсеивала сразу. На некоторых ставила большой и жирный вопросительный знак. А вот с третьей группой можно было смело работать. Красивые, уверенные в себе девушки, точно знающие, зачем они пришли в армию. С какой целью. Явно не для того, чтобы через несколько лет уехать к черту на кулички. Причем девушки умели себя ценить. Наде по запросу, не без разрешения Догилева, дали доступ к файлу, где хранились результаты медкомиссий. И девушка не удивилась, когда увидела, что некоторые из «третьей» категории оказывались девственницами. Почему бы и нет? Молодые охотницы готовились лечь как минимум под майора. Повезет – на погонах тех, под кого они впервые лягут, будет и побольше звезд.

Времена менялись, а отношения между мужчиной и женщиной – нет.

Первые хотели молодых девочек, вторые – быстрой карьеры, безоблачного будущего и безлимитную кредитку.

– Вот, если у тебя нужные отношения, то пришли на базу интересную... эээ... чистую курсантку.

Определение «чистой» немало озадачило Надю. Особенно, учитывая, что в ванной у неё мылась только что прибывшая кузина.

Которая просила уделить ей хотя бы пять минут.

Надя давно научилась правильно расставлять приоритеты. Слава подождет. Сначала надо найти ту, которая поедет на базу.

И тут зачем-то Надя посмотрела на дверь ванной.

– Игорь Витальевич, встречный вопрос можно?

– Валяй.

– Сколько гостей?

– Один.

– Я его знаю?

– Очень даже близко. Полковник Коваль. Припоминаешь?

Чееерт... Такого не забудешь.

– Конечно. Значит, спутница нужна Ивану Руслановичу?

– И как ты догадалась? – майор не скрывал ироничного тона.

– Когда ей, – Надя прочистила горло, собираясь с мыслями, а в ванной тем временем перестала литься вода, – надо прибыть?

– Через час. Плюс-минус пятнадцать минут.

– Ого. Вот это вы мне задачку поставили.

– Я уверен, ты справишься, – сказал майор и прервал связь.

Где, спрашивается, Надя найдет ту сумасшедшую, которая прибудет к Ковалю через час? Да ещё такую, которая удовлетворит определению «чистая».

И вообще! Что подразумевалось под этим понятием?

Девственница?

Так?

Тогда всё ещё хуже, чем предполагала Надя.

Про полковника Ковалю в армии не слышал только ленивый.

Про его семью – тоже.

Иван Русланович Коваль потомственный военный. Если Надя не ошибалась, ему около тридцати лет. Штабной военный. Блестящая карьера, стремительное продвижение по служебной лестнице. Идеальная биография.

На этом официальная версия заканчивалась. Дальше начиналась реальность.

Коваль занимался наёмниками. Надежда случайно наткнулась на эту информацию, хотя она и не носила гриф «секретно». Для Нади всё, что касалось наёмников, проходило красной нитью. Одно дело иметь отношения с военными, подчиняющимися уставу, и другое – с теми, у кого нет принципов, кто убивает и воюет ради денег. Даже Надя испытывала легкую боязнь перед ними.

Хотя, чего греха таить, и под таких приходилось ложиться.

На той самой базе, рядом с которой стояла её часть.

Если же возвращаться к личности полковника Ковалья, то стоит начинать с того, что саму его фамилию произносили с неким акцентом. Придыханием, что ли. Или даже с эффектом «оглядывания». Как священники говорили в былые времена про демона и его приспешников.

Возможно, для кого-то Иван Коваль и был тем самым демоном. Она не знала и знать не желала. Слишком опасно. В прямом смысле.

Да, красивый мужик. Фактурный.

Когда Надя впервые его увидела, у нее пися поджалась. Честное слово. Иначе и не скажешь.

Но потом...

Нет, многоуважаемые, пусть с ним имеют дела другие девочки.

Она – пас. Постоит в сторонке...

И снова Надя посмотрела в сторону кухни. Нечто мстительное поднималось в душе. Всколыхнулись старые обиды за то, что когда-то её отодвигали на второй план ради «статуэточки».

Слава занервничала сильнее.

– Я думала, завтра или послезавтра...

Надя выразительно покачала головой.

– Я уезжаю в командировку, – она врала, не краснея. Всегда можно сказать, что в последний момент поездку отменили. – Так что ты приехала очень вовремя, кухня. Я смогу тебе организовать пропуск, но только сегодня. Вернее, – она демонстративно посмотрела на дорогие часы известного бренда, презент одного любовника. – В течение часа. Тут до базы тридцать минут на машине. Я подброшу, заодно и с охранниками поговорю. Есть, правда, ещё один момент...

– Какой?

Надя предвкушающе улыбнулась.

Глава 2

Слава смотрела на камуфляж и не верила, что она его наденет.

Не то чтобы она не любила военных. Тут другое.

Слава не любила войну и всё, что с ней связано. С раннего детства любое насилие вызывало у девушки лютое отторжение. Она даже плакала, когда видела сцены убийства по телевизору, и не спала ночами, если сталкивалась с насилием в жизни. Переживала. И спрашивала у дедушки, как такое может быть.

- Дедушка, а почему папа выбрал профессию убивать?

- Слав, он выбрал профессию Родину защищать.

Девочка насупилась и скрестила руки на груди.

- Сейчас нет войны! Не от кого Родину защищать.

Дедушка тяжело вздохнул. И Слава ему вторила.

Военные – это плохо. Плохо и всё тут. И никто никогда её не переубедит.

Слава наотрез отказалась жить с папой в военном городке.

- Не поеду! – плача заявила она и бегом унеслась в спальню, где у неё уже был припасен походный рюкзачок. Из дома сбежит, но в военный городок не поедет! А если отвезут – и оттуда сбежит!

Дедушка её перехватил, когда она со второго этажа спускалась по скрученным простыням.

- Далеко собралась, барышня?

Папа стоял рядом, хмуро на неё смотря. И штаны камуфляжные даже не снял! А он в гости к ним приехал! И майка эта черная! Фу, гадость.

Некрасиво же!

Грязно-зеленый, черный и серый. Разве эти цвета в одежде могут вызывать хорошее настроение? Нет бы, как у неё – яркая юбка, такая же яркая кофточка. Последнюю дедушка привез из Мексики. Теперь Слава очень хотела попасть в Мексику и пройтись по местному рынку. Там, наверное, будет жутко интересно, раз на нем продают яркие и красивые вещи.

Для Славы приезды к папе всегда сопровождались тихими истериками, которые она с годами научилась скрывать. Не принимала её душа военных. Милитаризм, оружие и прочее. Как могут люди добровольно выбрать подобную профессию? Конечно, с возрастом Слава поняла, что дедушка прав и офицеры всё же защищали Родину.

Но были же и наемники!

Слава вздохнула. Ладно, что было, то было. Папа умер, дедушка тоже. Она осталась одна. Была ещё Надя, с которой у неё никогда особо не складывались отношения. То, что кузина согласилась ей помочь, не задавая лишних вопросов, уже хорошо. Ведь Надя могла настоять, потребовать конкретики. И тогда Слава не смогла бы рассказать правду. А лгать и выворачиваться не желала.

Ложь она ненавидела тоже. Презирала тех, с чьих губ с легкостью срывались обещания и тут же забывались. Отчасти поэтому Славе тяжело было найти общий язык со сверстниками. С молодыми парнями – подавно.

Зато те очень сильно хотели найти с ней общий язык.

Некоторые проявляли завидную настойчивость.

Только обламывались они конкретно, потому что Славу воспитывал дедушка.

При воспоминании о дорогом человеке девушка грустно улыбнулась.

– Всё будет хорошо, дедуль. Я тебе обещаю.

Она даже ненавистный камуфляж наденет.

Раз нет выбора.

Надя права. Не сможет Слава пройти через блокпост в обычных черных брюках или цветастом сарафане. За кого её примут? На смех поднимут, и это в лучшем случае.

С губ девушки снова сорвался тяжелый вздох.

Надо так надо.

Под ложечкой засосало от нехорошего предчувствия.

Она должна. Потому что решение принято, и Слава от него не откажется.

Во имя памяти дедушки. Человека, который не просто её воспитал, который дал ей всё. И даже чуть больше.

Скинула одежду и взяла в руки армейские брюки. Ткань жесткая, неприятная. Слава любила лен и хлопок, предпочитала натуральные ткани. Не потому, что капризная или какая-то зазнайка, просто привыкла.

Одевалась морщась. Ей всё время казалось, что она совершает гигантскую ошибку, но ничего поделать с собой не могла.

– Прекрати! – в конечном итоге одернула себя и направилась к зеркалу. – Хороша, блин, ничего не скажешь.

Из зеркала на нее смотрела невысокая хрупкая блондинка с перекинутой на плечо косой. После ванной, не покрашенная, с множеством веснушек. Майка цвета хаки слишком плотно обтянула высокую грудь и тонкую талию. Девушка поджала губы и попыталась одернуть майку с живота. Надя дала ей на размер меньше? Непонятно.

Застегнув ремень, повернулась спиной к зеркалу. И брюки облепили задницу, как лосины. Слава помнила, что девушки, принявшие присягу, носили более бесформенную одежду. А это что?

Надя вошла в комнату без стука.

– Готова?

– Надь, а другой одежды нет? Эта...

– Слушай, Слав, я тебя не пойму! Ты хочешь попасть на базу или нет, черт возьми? Всё, что я делаю, говорю, ты воспринимаешь в штыки! Не нравится – оставайся тут, бери билет и езжай назад домой!

– Прости, – Слава тотчас вскинула руки кверху в примирительном жесте. – Я немного погорячилась. Мне некомфортно, вот я и выделяюсь. Ещё раз извини.

Надя оглядела её с ног до головы и кивнула.

– Пойдем. Я тебя довезу до базы.

– О, отлично!

– И охранника предупрежу.

Слава взяла небольшой рюкзак и направилась за Надей, шедшей впереди неё, виляя бедрами. Иногда Слава даже завидовала кузине по-доброму, ведь она шла по жизни легко. Ей всё удавалось, чему Слава радовалась. Пусть и дальше у Нади всё будет хорошо.

Увидев белый внедорожник, Слава удивилась:

– Ого. Твой?

Надя усмехнулась и направилась к водительской двери.

– Пока не мой. Но очень надеюсь, что вскоре буду обладательницей подобной машинки. Чего застыла? Давай садись, довезу с ветерком. Потом, как справишься, позвони мне. Если не отвечу, вот номер такси.

Слава взяла визитку и несколько раз про себя повторила цифры, запоминая. Она с детства тренировала память, и порой хватало одного взгляда на носитель, чтобы запомнить информацию. Сейчас девушка волновалась, цифры плясали перед глазами, и Славе никак не удавалось взять эмоции под контроль. Да что такое!

Надо успокоиться.

На базе никого не будет.

– Она заброшена, Слав, – устало сказал отец три года назад по телефону. – Никто её не собирается восстанавливать. Наоборот, ведомство приняло решение её списать. Не факт, что так и поступят, но восстанавливать точно не будут.

– Спасибо, пап.

– Слава...

– Да?

– Будь осторожна. Пожалуйста. Знаю, отговорить мне тебя не удастся, но ты хотя бы подготовься.

Разговор с отцом всплыл в памяти, пока они с Надей ехали. Никто из девушек не спешил вести разговоры. Слава смотрела в окно, не видя пейзажа и мелькающих зданий.

Она подготовилась. Да. Сделала всё, что надо. Выучила. Запомнила. Подумала о путях отступления. Залезла в базу данных и убедилась, что интересующий объект по-прежнему находится на балансе военного министерства, но его не используют по назначению.

Поэтому ничего непредвиденного не случится.

– Надя, а что ты скажешь охраннику?

– Не переживай. Придумаю что-нибудь. Если честно, даже и придумывать не буду. Обойдется без объяснений. Я почему ещё на сегодняшнем дне настаиваю... там дежурит один хороший знакомый, который на меня глаз положил. Он не сможет мне отказать.

Слава хотела поинтересоваться, как потом будет выпутываться кузина, и передумала. Надя взрослая молодая женщина, значит, тот военный ей нравится, раз она согласна оказаться его должницей.

До базы добирались не меньше сорока минут. За это время Слава вся извелась, издергалась.

– Мы приехали, – сказала кузина, подгоняя внедорожник к блокпосту.

Глава 3

Иван Коваль не злился.

Он был в бешенстве.

В тихом. И самом опасном.

Не для себя.

Для окружающих.

Поэтому лучше его не трогать. Никому.

Иван осознавал своё состояние. Поэтому, отдав распоряжение привезти ему девочку, направился в спортзал. Он сожалел только об одном – что нет поблизости достойного партнера для спарринга.

Эта база особенная. Тут не служат парни, что выступают на ринге. Тут нет тех, кто может без разминки и без риска для здоровья выйти против него.

Коваль уважал только сильных противников. На ринге – так точно. Смысл выходить против того, кто заведомо слабее? В чем драйв? Кайф? Бить человека, который не сможет правильно выставить блок?

Отец, бывший генерал ВС РФ, его и брата учил другому – выбирать достойных себе.

– Бьешь слабого – таким же по итогу станешь. Привыкнешь и упустишь важное.

Иван бесконечно уважал отца. Для него не могло быть никого авторитетнее Руслана Ковалья. Мальчишкой был – в рот отцу заглядывал. Как и брат-близнец.

Отец воспитывал их жестко, ничего не тая и не умалчивая от парней. Показывал жизнь такой, какая она есть. Без прикрас. Кровь, боль, война. Развлечения и то, к чему они могут привести. Учил жить своей головой. Мало дать детям хорошее образование, надо научить их отвечать за поступки и принятые решения.

Они и учились. Иван и Дмитрий. Набивали шишки, ставили синяки. Это со стороны могло показаться, что раз парни родились в очень богатой и влиятельной семье, то им море по колению и ничего добиваться не надо, все принесут на золотом подносе.

Нет и ещё раз нет. Такой номер в семье Руслана Ковалья не прокатывал.

В их семье была ещё младшая сестренка. Нина. Всеобщая любимица. Вот с кого пылинки сдували, в том числе и братья. И получился обратный эффект. Опять же Нина должна была вырасти, если не избалованной и капризной барышней, то минимум очень уверенной в себе молодой леди. А нетушки. Мимо, млять!

Перегнул отец, и братья с ним вкуче. Почти тридцать пять лет назад убили самую первую дочь Руслана Ковалю. Перерезали ей горло на глазах у Генерала. Тогда он ещё не знал, что у Лизы имелась родная сестра-близнец, которую похитили из роддома. С Дашей, старшей сестрой Ивана и Дмитрия, отец познакомился, когда мама была беременна ими.

Весело все в их семье. Однозначно.

Если возвращаться к Нине: отец окружил её тотальной заботой. Такую же тотальную опеку над сестренкой учинили и братья, не замечая, что тем самым подавляют девочку.

Принцесса выросла, но...

Слишком поздно обратили внимание, что Нина асоциальна. Не любит общаться с незнакомыми людьми, не заводит друзей. Больше одна и с книгами наперевес. Любит путешествовать, опять же одна. Её сопровождают лишь телохранители-тени. Им запрещено к ней обращаться без повода. Никаких дружеских симпатий. Подобные действия пресекались с малых лет, причем сам Иван следил, чтобы его Ниночку никто не соблазнил и прочее.

Знает он мужчин и их инстинкты.

Сам такой.

Мама как-то сказала, что в близнецах слишком много мужского. Слишком много от отца. Особенно в нем... Иван тогда засмеялся: «Мам, а что в этом плохого? Ты же вышла за отца. Живете, любите друг друга. Нас родили. Нинку. Мы же идеальная семья».

Сейчас он её слова начал воспринимать немного иначе.

Да, он слишком сильно похож на отца.

Когда у человека с рождения есть всё, то наступает момент, когда ему по-настоящему становится мало всего. Эмоций. Чувств. Впечатлений. И даже денег.

Потому что деньги шли из семьи. Многие сказали бы, что он зажрался. Иван врезал бы тому по морде. От души. Но ему никто ничего в лицо не говорил уже давно. Маму, сестренку, брата и отца он в расчет не брал.

У братьев и сестры давняя договоренность – не вмешиваться в жизнь друг друга. Каждый уже достаточно взрослый, чтобы отвечать за свои поступки. Разве не этому учил их отец?

Хотя Нина, конечно, не в счет. Она – девочка. Теперь, когда стало понятно, что сестра у них – барышня, которой стоило родиться несколько веков назад и носить кринолиновые платья, обмахиваясь веером, он усилил опеку.

Отец немного приспустил, у Дмитрича своя семья. Ваня же продолжил бдить.

В последнее время Нина всё чаще начала бунтовать. Идти против привычной с детства системы, и Ваня её отчасти понимал. Он тоже сейчас испытывал нечто подобное.

У него есть всё. Абсолютно всё и даже больше.

Он мог в любой момент сесть в частный самолет и улететь в любую точку мира, специально для него откроют воздушный коридор. Мог менять девушек, развлечения, контракты. Не было границ и препятствий для реализации амбиций и задуманного.

А что-то угнетало его. День за днем.

Он смотрел на отца с мамой. На Дмитрича с Ириной. Ему что, тоже была нужна семья? Да ну нахер. Иван ещё не натрахался с разными девочками. Ни одна не могла его зацепить настолько, чтобы он надел ей кольцо на безымянный палец и назвал «своей». Женщины вообще не волновали Ивана. Есть они и есть. Всегда. В любом количестве. Тех, кого не трогало его обаяние, трогали деньги. Договориться можно всегда.

Поэтому – не то.

У отца была своя империя. Диман с головой ушел в фармакологию и создание новых лекарственных препаратов. Хотя не только лекарственных. У брата свои игрушки.

А у него?

У Ивана тоже были. Он больше пошел по стопам отца. С детства привлекало всё, что связано с армией. Оружие, власть, деньги. Мальчики вырастают, а игрушки остаются прежними. Так и у него. Поэтому вопрос «чем заниматься» перед Иваном никогда не стоял.

Конечно, у него были привилегии и очень серьезные. Никаких казарм и дальних полигонов. И все в армии знали, кто такой Иван Коваль и что он может.

И что с ним лучше не связываться.

Ивану нравилось то, чем он занимается.

Но в последнее время будто черти раздирали, иначе и не скажешь. Он и раньше лично воевал, посещал горячие точки. Даже один раз принимал непосредственное участие в военном перевороте. Кайфовал от адреналина, от выплеска эмоций. Естественно, на передовую не лез – не дурак. Но руководить операциями и быть в эпицентре событий ему нравилось.

Но пыл пришлось поубавить Ивану после разговора с матерью. Та попросила приехать к ним. Сразу понял, о чем пойдет речь.

– Мамуль, всё хорошо.

Она смотрела на него долго и молчала.

– Вань, чего тебе не хватает? – мать редко с ним разговаривала таким серьезным тоном. Читать нотации и вставлять пиз*лей – это по части отца. – Какого ты снова начинаешь войнушку? Только не надо мне говорить, будто ничем не рискуешь и контролируешь ситуацию.

– Так и есть.

- Нет, - жестко бросила Екатерина Коваль. - И ещё раз нет. История нашей семьи - тому подтверждение. Спроси отца про Лизу.

- Мам...

- Что «мам»? Нечестно играю? А вы? Вань, черт побери...

- Екатерина Викторовна, ты ругаешься?

- Не паясничай, если не хочешь узнать, как мать умеет разговаривать на русском могучем, - уголки губ матери чуть дрогнули.

- Мам, - он подошёл к ней и положил руки на хрупкие женские плечи. Для него мать была и останется навсегда идеалом красоты и мудрости. - Я осознаю всю опасность. И я осторожен.

Она покачала головой и тяжело вздохнула.

- Умерь свой пыл. Хотя бы на время. Дай мне выдохнуть немного. Или вы с братом думаете, что раз выросли, мы за вас не переживаем? Хорошо, что у тебя мать - блондинка и ты не видишь моих седых волос!

Он обожал свою маму. Невероятная женщина. Другая вряд ли смогла бы жить с отцом.

Она сглаживала все острые углы Коваля-старшего. И, кстати, насколько Иван знал, отец ни разу не изменил матери. Да и о какой измене может идти речь, если отец насмотреться не мог на свою женщину. Пылинки с неё сдувал.

Но если они ругались... Мама никогда не кричит. Говорит тихо, четко. Зато отец беснуется. А если она объявляет ему бойкот - тушите свет.

Иван решил уступить матери. Ладно, пока умерит пыл. Не втянется в новую игру. Тогда что ему делать? Снова в штабе сидеть?

Да ну нахер!

И ещё...

Не зря полковника Ивана Ковалю в последнее время что-то беспокоило.

Он понял что.

Хотел свою Саравию. Как отец, найти нечто, что будет только его. Обогащение за счет продажи оружия и войны – это одно. Не торкает. Воодушевляет, но на короткий период.

Ивана даже штабные интриги перестали увлекать. В какой-то момент перегорел. Потому что знал, что оброни он хоть одно слово – и его звезды на погонах быстро поменяются хоть до генерала, хоть до маршала.

Неинтересно. Походит в полковниках.

Опять же, у которого в подчинении генералы.

После небольшой взбучки от матери, Иван собрался, покинул необходимый минимум вещей в дорожную сумку и сорвался на базу, что располагалась в пятидесяти километрах от их дома, на берегу Тихого океана.

С этой базой тоже связана отдельная история. Когда они с Дмитричем были сопливцами пацанами, их часто сюда привозил дед, Иван Гаврилович Коваль. Старику тогда было далеко за восемьдесят, но для своих лет он выглядел и чувствовал себя отлично. Даже девочек «посидеть» приглашал. Правда, что он с ними делал в столь почтенном возрасте – вопрос открытый. Да и неважно уже.

Важно то, что эта база являлась для деда перевалочным пунктом. Он здесь решал многие моменты. Ваня помнил смутно. Когда тебе пять-шесть лет, разве волнуют взрослые вопросы? Иван помнил лишь одного мужика, с которым дед встречался чаще других. Высокий, жилистый, с белой бородкой.

Ещё одна странность заключалась в том, что и сам Иван начинал испытывать к этой базе особое расположение. Он тоже именно здесь решал многие дела. Атмосфера, что ли, тут особая. Не зря и отец любил Тихий океан.

Иван мог часами гулять по окрестностям, конечно, когда давал себе время на отдых. Красивые места. Дикие. Охота в местных лесах разрешалась только его близким знакомым и тем, кому он лично выдал «добро».

Чужие люди не могли зайти на базу и в лесные уголья, прикрепленные к ним.

Себе дороже.

Вот и сегодня он прилетел сюда. Будет отдыхать, драть девочек и заниматься спортом. По поводу девочки дал уже указание, бойцов пригласит завтра. Не дубасить же ему по «груше» все эти дни! Нужен выплеск адреналина, нужна кровь.

И даже его. Иван и на это согласен.

Удар. Ещё один удар. На глаза мужчине попала мигающая рация.

А вот и девочку привезли.

Отлично.

Глава 4

Так не бывает...

Славу всё сильнее одолевало нехорошее предчувствие.

Слишком легко и просто.

Она облизнула губы и повернула ручку двери.

Тоже незаперто.

По крови пронеслась огненная волна. Некая реакция организма словно предупредила Славу, но та упрямо шла вперед.

Она решилась?

Решилась.

Понимала ли девушка, что совершает преступление?

Сто процентов.

Если её увидят, то по головке не погладят. На этот случай у Славы имелись номера папиных знакомых. Они помогут.

Девушка выучила их наизусть. Как подстраховку. Папа сам ей их дал, сказав, что на этих людей можно положиться.

Майор Догилев, бывший папин подчиненный, и подполковник Турасов. Последнего Слава узнала лично, когда лет пять назад приезжала к папе, а тот приходил к ним в гости с семьей. Если бы подполковник Турасов не служил бы, Слава сказала бы, что он приятный человек.

Она ничего не могла с собой поделаться. Сейчас, когда выросла, понимала, что относится к военным предвзято и осознанно не пыталась пересмотреть своё отношение. В современном свободном обществе у каждого есть выбор в профессии. Никого в армию насильно не тянули.

И тем более Слава не могла понять женщин, которые добровольно взяли в руки оружие!

Девушка закрыла за собой дверь и огляделась.

Тишина. Ни звука.

Дом, в который она вошла, имел многовековую историю. Ещё одна прихоть неких руководителей, которые отдали на баланс военным дворянские имения, имеющие историческую ценность. Вот как такое могло произойти,

спрашивается? Слава изучала документы. В начале двадцатого века, когда к власти пришли большевики, они устроили здесь оперштаб. Хорошо, что ничего не разрушили. Покоцали, конечно, многие архитектурные решения. Сносили комнаты, перестраивали. Если не знать, что это здание построено почти пять веков назад, подумаешь, что ему максимум столетие.

Слава прошлась взглядом по потолку с лепниной, по покрашенным стенам. Интересно, фреску отбивали или краску наносили прямо на неё?

Девушка очень любила старые здания. С раннего детства увлекалась историей, стариной. У них с дедушкой в доме было много красивых статуэток, реликвий, привезенных из разных стран мира. Слава вместе с дедом объездила всю Россию, даже пару раз была на раскопках. Поэтому, когда встал вопрос куда поступать, Слава не раздумывала. Исторический факультет она выбрала по зову сердца.

Но ещё имелся долг, который ей необходимо было отдать, чтобы дальше жить с чистой совестью.

Никто с неё этого долга не спрашивал, она сама решила его отдать.

Потому что иначе не могла.

Слава дотронулась рукой до стены, словно ноги в какой-то момент перестали держать её.

– Эй. Ты только пришла. Ты чего? – негромко спросила она себя.

Камер, по крайней мере видимых, Слава не обнаружила.

Уже хорошо. Можно идти дальше.

Ей нужен подвал.

Всё, как обычно.

Подвал, чердаки – именно там хранится всё самое интересное.

Слава прошла по коридору, прислушиваясь к собственным шагам и стуку сердца. Потом свернула и вот тут...

Она увидела его сразу.

Обнаженного по пояс мужчину, выходящего из зала. Он разматывал спортивные бинты на руках.

Увидев её, замер на мгновение.

Прищурился.

У Славы замерло сердце. Никого не должно быть в доме!

Тем более злого и агрессивного мужика, смотрящего на неё слишком пристально.

И без удивления.

Точно он ждал её.

Высокий. Очень крепкий. Девяносто килограмм – минимум. И злой. А ещё сразу же направившийся к ней. На неё.

– Ты вовремя, девочка, – хрипло проговорил он, откидывая бинты на пол.

Она? Вовремя? Пол начал уходить из-под ног Славы. Мужчина принял её за другую. И его намерения не вызвали сомнений.

Слава не могла сдвинуться с места. Приросла к полу.

То, что происходило, никак не укладывалось в голове.

Словно в тумане, через некую призму, она рассматривала незнакомца.

Мужчина производил впечатление. Помимо роста и внушительной комплекции, он прямо-таки заставлял на себя обратить внимание. Слишком... впечатляющий. А ещё эта уверенная походка хищника.

Даже не военного...

И лицо... Не зря Слава сразу поняла, что мужчина злится. Упрямый подбородок, сжатые губы. Ноздри трепещут – непонятно, то ли от предвкушения, то ли ещё отчего.

В сознании Славы промелькнула мысль, что мужчина некрасивый. Слишком... brutальный. Слишком... всего в нем было «слишком». Хотя о красоте не спорят. Сейчас такие в тренде.

Слава медленно отвела ногу назад, перенесла на неё вес тела.

Бежать?

Куда? К выходу, наверное...

Но почему она не может сдвинуться с места? Каждая клеточка её тела налилась тяжестью, невыносимой, шокирующей.

И снова в голове пронеслась мысль: в доме никого не должно было быть...

Дом почти заброшен. Хотя... Кого она обманывает? Почему Слава не обратила внимания на бросающийся в глаза ремонт? В груди обожгло, внизу живота скрутило, и Слава мысленно поморщилась.

Надя в курсе всего.

Поэтому и торопила её.

Потому что мужчина явно ждал.

Опять же... кого?

Он двигался на неё, шаг за шагом уменьшая расстояние между ними.

Она видела, как поднимается и опускается его грудная клетка.

Видела даже, как капелька пота скатывается по виску и падает на ключицу.

Слава не могла сказать, в какую минуту она осознала, во что вляпалась. И за кого её приняли.

И то, что что-то надо делать.

Только что?

Идти в «отрицалово», как любит говорить её Алиска, приятельница по универу?
Не признаваться, притвориться дурочкой, не понимающей ситуацию?

Или попытаться объяснить?

И опять вставал вопрос: дальше что?

Она незаконно находится на закрытой военной базе, а если ещё территория носит гриф «секретно», то тогда... Сколько может грозить Славе? Реальный срок, или она может отделаться только испугом?

Пока в ее голове судорожно мелькали мысли, мужчина продолжать приближаться.

Слава сделала еще один шаг назад. В горле встал ком, мешающий дышать.

Не быть Славе авантюристкой и искательницей приключений.

Никак не быть...

Маленькая загвоздка – и всё, она превращается в трясущегося зайца.

Хотя того, кто надвигался на девушку, маленьким назвать было никак нельзя.

Слава отступила ещё.

– Стоять, – мужчина не повышал голоса. Ему и не требовалось. От тихой вибрации, идущей от его интонации, Славу пробрало до внутренностей. Мужчина явно привык отдавать приказы.

Другого и не ожидала – они же в армии.

Вернее...

Слава упрямо покачала головой и увидела, как незнакомец прищурился, а потом демонстративно медленно приподнял бровь и слегка наклонил голову. Его верхняя губа дернулась, словно в предвкушении, а у Славы возникло стойкое ощущение, что она оказалась в одной клетке с диким хищником, которого загнали за барьер накануне, и он беснуется, что его лишили самого главного – свободы. А её кинули к нему на потеху. И сейчас у хищника лишь одно желание – оторваться, взять своё. Доказать, что он по-прежнему альфа своего прайда.

Да-а, Слава, кто-то перечитал книг, и у кого-то слишком развитое воображение.

Но с восприятием данного мужчины она ничего не могла поделать.

Большое значение играла ситуация, в которую девушка добровольно вляпалась.

– Нет? – Кажется, она своим молчаливым ответом только подогрела интерес незнакомца. – Ты уверена?

Слава кивнула.

Абсолютно уверена. Они живут в правовом государстве, и ей никто не причинит вреда. Даже если будет суд... Но у неё есть знакомые! И папины, и дедушкины.

Кстати, про дедушкиных знакомых... Почему она о них сейчас подумала?

В минуту опасности.

Странно... Слава непременно продолжила бы развивать эту мысль, если бы не довольная ухмылка, что исказила и без того жестокое выражение лица мужчины.

– Значит, настроена поиграть, киса? Интересно... Есть определенный сценарий? Тебе его дали, или импровизируешь? Уверена, что выбрала правильную линию поведения? Лично я не настроен играть в игры, – незнакомец продолжил идти навстречу Славе. Теперь между ними оставалось не более двух метров. – Я хочу секса. Играть будем потом.

Слава не успела на какие-то доли секунды. Развернулась и хотела сигануть что есть силы, но крепкая рука обхватила её за талию и рванула назад, мгновенно вышибая дух и пробуждая желание во что бы то ни стало вырваться из дикого, жестокого, а главное неправомерного захвата.

Она инстинктивно вцепилась пальцами в загорелую руку, мимолетом отметив широкую кисть и крепкое запястье, пытаясь оторвать её от себя.

Тщетно.

Дальше стало только хуже. Потому что мужчина впечатал её спину в себя. Слава задохнулась, ошарашенно хватая ртом воздух. Контакт их тел ошеломлял. Ещё никогда ранее девушка не чувствовала себя такой маленькой и беззащитной. Не зря она, как только увидела мужчину, подумала про его силу.

Грудная клетка походила на камень. Ничего мягкого, податливого. Слава читала, что после занятий спортом мышцы отекают, увеличиваются в размерах. Но никто, никогда, нигде не писал, как женщинам готовиться противостоять подобному выбросу тестостерона.

– Подождите, вы...

– Замолчи, – рыкнул он, и от его командного тона мурашки покатались по коже Славы.

– Нет, я...

– Веснушка, хорош трепаться. Надоело. Я говорю – ты делаешь. Всё!

В доказательство своих слов мужчина резко поменял положение. Шагнул в сторону, разворачивая вместе с собой и Славу.

Стена оказалась очень близка, и девушке пришлось реагировать, иначе существовала вероятность познакомиться с её поверхностью, что называется «лицом к лицу». Она успела выставить руки раскрытыми ладонями. В ушах от напряжения зазвенело, перед глазами поплыли черные точки.

То, что происходило здесь и сейчас, никак не укладывалось в голове Славы.

Когда она собиралась на базу, то прокручивала в голове различные варианты, если её поймают. В большинстве своем все они сводились к одному – её задерживают, доставляют в штаб, и там уже начинается разбирательство.

Но никакого физического насилия в отношении себя она не видела.

Не имели права...

Никакого...

И уж тем более Слава и в страшном сне не могла предположить, что здоровенный, обнаженный по пояс мужик прижмет её к двери и будет обжигать шею горячим дыханием, вызывая ступор и дикий страх, выворачивающий наизнанку душу.

Он по-прежнему удерживал её за талию, распластав здоровенную ручищу на её животе. Слава опасалась, что через секунду его рука уже будет на груди, и тогда... Сам он стоял сзади. Огромный. Злой. Возбужденный.

Славе, наконец, удалось вдохнуть, и нос мгновенно наполнился мужскими запахами – потом, наложенным на дорогой парфюм. Почему она решила, что дорогой – не знала. Интуитивно. Запах был ярким, насыщенным, не отталкивающим.

– Нет, не всё, – упрямо выдавила из себя девушка и предприняла попытку развернуться, но её сразу же пресекли на корню.

Более того, между её ног вклинилась чужая нога, расставляя их шире. Славе, чтобы не упасть, пришлось послушаться. Девушка переставила ноги, стараясь не терять разум в пучине гнетущего страха.

Если бы незнакомец задался целью изнасиловать её, он не разговаривал бы с ней и действовал бы более жестко. Ударил бы или ещё что-то в этом роде. Ведь правда же? А этот мужчина... Он вроде ждал девочку по вызову, и, если ему объяснить... успеть...

Славу уже не страшил суд. Лишь бы выбраться из захвата... Не чувствовать горячее дыхание... не ощущать кожу кожей... не понимать, что прижимается к её пояснице возбужденное мужское естество.

Не накручивать себя... не страшать.

Всё будет хорошо. Сейчас... сейчас она выдохнет... и ему объяснит.

– Будешь играть до конца? – хриплый голос будоражил, напрягал ещё сильнее, потому что подтверждал и без того явные намерения мужчины. – Похер. Играй. Только дай мне себя. Слышишь, девочка? Ты такая...

Он не договорил, надавил рукой на живот Славы. Его пальцы направились вниз – туда, где начинался пояс брюк.

– Это не игра! – закричала Слава, упираясь головой в холодную стену.

Минута-другая, и если она не достигнет до мужчины – будет поздно. И тогда уже никто из знакомых ей не поможет.

Свершится непоправимое.

Не обращая внимания на дыхание и тяжесть тела за спиной, Слава, преодолевая себя и рвя внутренние барьеры, извернулась и каким-то чудом развернулась лицом к мужчине.

Лучше бы она этого не делала.

Серые глаза гневно блеснули сталью.

И почему-то они ей показались знакомыми.

Бред.

Абсурд.

Такого попросту не может быть.

Она была уверена на сто процентов, что ни разу в жизни не встречалась с данным мужчиной.

Если только...

У Славы в голове замелькали образы, какие-то отрывки разговоров.

Мужчина же, наблюдая за ней, гневно прищурил глаза. Он явно не ожидал от неё подобной прыти. Да и то, что она вела себя не как девушка, готовая услужить и доставить ему удовольствие, тоже раздражало.

А такого злить – себе дороже.

Одно дело, когда злость взрослого мужчины направляется на кого-то другого или возникает от обстоятельств. Но когда Слава выступает тому причиной – нехорошо... Даже плохо. Слава не любила конфликтовать, считала, что конфликт – пустая растрата энергии. Вот дискутировать, узнавая что-то новое, ей нравилось.

Более того. Мужчина гневно прищурил глаза, и Слава каждой клеточкой тела ощутила, что сейчас ступила на очень скользкую дорожку. Одно неверное движение, один шаг не туда – и ничто уже её не спасет.

Поэтому она с энтузиазмом затараторила, выкидывая вперед руку, не замечая, что почти сама добровольно прикасается к разгоряченной мужской, ещё носящей капельки испарины, коже:

– Я вас узнала!

– Неужели? – мужчина оскалился. Её слова его не удивили.

– Да! Я вас узнала, – повторила она для пущей уверенности и объявила с округлившимися сияющими глазами: – Вы Иван Коваль и вы никак, ни под каким предлогом не можете меня взять!

ИВАН

Иван готовился услышать, что угодно, но не связь между своим именем и невозможность сейчас же скинуть пар.

Тем более в неё.

Сначала Коваль сваливал всё на адреналин.

В жизни каждого мужика бывают часы, когда мозг отключается, и на передний план выходят инстинкты. Дикие, первобытные. Хочется крови и секса. Хочется ни о чем не думать, а удовлетворять потребности.

Всё.

Иван настолько сильно накрутил себя за последние часы, что пребывал именно в подобном состоянии.

Поэтому, когда увидел девочку, удовлетворенно зарычал.

Вот она.

Покорная. Готовая на всё, лишь бы он остался доволен.

Первые секунды даже не посмотрел на лицо. Сколько у него было вот таких покорных и сколько будет? Ни имена, ни лица его особо не интересовали. Уродку или с дефектами к нему не пришлют – побоятся нагоняя или чего посерьезнее.

Коваля интересовало тело.

Именно на него он в первую очередь и посмотрел.

Оценил.

Оно ему понравилось. Зашло по всем параметрам. Миниатюрная, крепкая, с красивой высокой грудью, что обтянута маечкой. Лифчик девочка зря надела, ей бы пошло и без него. Иван представил, как соски натянут ткань майки, и член мгновенно налился кровью.

Отлично.

Дальше его взгляд скользнул всё же на лицо.

И вот тут произошел первый легкий диссонанс.

Блондинка.

С веснушками.

Много-много красивых и ярких точек, которые раз увидел и уже не забудешь.

Коваль не считал себя романтиком от слова «совсем». У него было много женщин, разных, что естественно при его положении и возможностях. В основном красивые, подтянутые, ухоженные. Иногда привлекали и скромняшки, которых он очень быстро развращал, и которые очень быстро понимали принципы дружбы с Ковалем, а также открывающиеся в связи с этим возможности. Он их не осуждал. Живут в непростое время, и глупо не пользоваться возможностями, которые сами идут в руки.

Стервы с ним обламывались постоянно. Пытались не раз строить планы, целые стратегии по его завоеванию и тоже всегда мимо.

Не цепляло его.

Ни разу.

Иван Коваль в принципе не верил в любовь. Есть химия между двумя людьми, вот она и рулит. Дмитрич загадочно улыбался, обнимая свою Иришку. А та, помня о том, что именно Иван устроил её похищение, мстительно кивала головой, плотнее прижимаясь к мужу.

– Ничего... Ничего, Ваню, будет и на моей улице праздник, – она говорила не со зла, больше включаясь в их давнюю игру. – Увидишь зазнобу и пропадешь. В один миг.

Он смеялся от души.

– Пропаду? Уверена?

– Ага, – Ира довольно шурилась. – Увидишь, почувствуешь её запах и поймешь, что тебе больше для счастья ничего и не надо.

Иван помнил этот разговор. Помнил, как вальяжно откинулся на спинку кресла из ротанга и втянул дым кальяна.

– Про запах, дорогуша, ты загнула. Мы же не звери.

– Ой, вы Ковали. И вот этим всё сказано.

Если бы Ивана спросили, почему он вспомнил об этом разговоре, он бы развел руками.

Но у него возникла дикая потребность втянуть в себя запах девочки. Её кожи. А ещё узнать, настоящие ли веснушки.

Иван двинулся в её направлении. Второй сигнал поступил в мозг, когда мужчина заметил, что красавица с необычной внешностью ему не рада. Мозг зафиксировал этот момент и послал своего хозяина куда подальше, решив, что

гостья играет.

Хотя он и заказывал относительно «чистую». Не избалованную и не раздолбанную. В последний раз ему прислали на базу девушку, которая, встав рачком, показала свои дырки, как у порноактрис. Может, кого и заводит, но его уже нет.

Другого хотелось...

Откуда появилась эта потребность в другом – понятное дело. Ноги росли от любимой невестушки, которая в последнее время открыто над ним подтрунивала и предрекала роковую любовь. И чтобы обязательно зазноба Ивана помотала ему нервы. Не далась сразу.

Ивану приколы Иришки были побоку, но вот их отношения с Дмитричем... Он не завидовал, радовался за брата.

Но в голове засела мысль: неужели на самом деле бывает такое, что торкает?

Сколько у него было женщин, но ни от одной не торкало. Ни разу. Всегда четко знал, понимал, что хочет от них. И даже как долго продлятся отношения. Видел девушку, оценивал её и довольствовался приятным времяпровождением. О женитьбе и серьезных отношениях даже не думал. Родителям Дмитрич внуков подарит. Один есть, скоро за вторым пойдут.

У него же бизнес. Карьера. Черт побери, у него ещё нет своей Саравии! И голодный зверь, что с детства жил в утробе Ивана Ковалея, ещё не насытился. Наоборот, в последнее время рвет и мечет.

Иван прищурился. Девочка-веснушка решила поиграть? Похеру. Он её быстро обломает и подстроит под себя. Некогда ему шашни разводить, у него в штанах полыхает.

Особенно, когда на веснушки смотрит.

Черт побери, что в них такого?

Веснушки как веснушки. Ничего необычного.

Мужчина надвигался на девушку. Та настороженно смотрела на него, словно он привидение. Или точно не ожидала с ним встретиться.

Хорошо, зараза, играет.

Поймал её быстро. Рванул на себя, не обращая внимания на лепет, который та несла.

А потом почувствовал запах её кожи.

Она пахла свежескошенной травой. Ни одна другая ассоциация не шла на ум.

Ваня нахмурился. Переработал? Перетренировался? Какая, к черту, свежескошенная трава?

Не поверил себе, задышал глубже, тяжелее. Грудь распирало, с легкими творилось нечто несуразное.

Мужчина мотнул головой и снова втянул в себя дурманящий, издавна знакомый запах.

С детства у него была особенность: когда работники ухаживали за газоном, он обязательно выбирался из дома, даже если часы показывали раннее утро. Сначала садился на мягкую траву и наслаждался предрассветными пейзажами. Потом, став постарше, занимался спортом. Специально выжидал, когда работники закончат, надевал тренировочный костюм и зачастую босой выходил на улицу. Шикарно... Вот реально. Все домочадцы быстро смирились с прихотью Ваню. Отец даже нанял тренера, который составил специальный график занятий на свежем воздухе.

Да, было дело.

И вот... Эта блондинка, что замерла в его руках.

Ладная. Гибкая.

Которую он будет трахать уже через пару минут.

К черту прелюдию!

Она знала, зачем сюда пришла. Извини, деточка, никаких прелюдий не будет.

Стоило ему прижать её к себе, взять в руки, почувствовать изгибы, мягкий плоский животик, как все разумные мысли окончательно покинули его.

Потом...

Потом уже он отдаст распоряжение предоставить ему сведения, с кем она была. На что нацелена. Под кем ходит.

Про «с кем была» внезапно стало особенно актуально. По крупному телу Ивана прошла волна предвкушения. Он же дал заказ на «чистую», нераздолбанную. Какая вероятность, что она была под двумя-тремя мужиками и всё? Молодая же.

И раз приехала сюда, значит, нацелена на быстрое продвижение по службе.

Он с легкостью всё устроит.

Но потом...

Сейчас же пусть даст ему себя.

Иначе...

Плохо будет.

Плохие поступки Ивану Ковалю совершать не впервой.

Глава 5

– То, что ты меня узнала, Веснушка, отлично! – медленно, тщательно проговаривая каждое слово, сказал Иван, после чего так же неспешно перехватил руку девушки, сжав тонкое запястье.

Ни одного украшения... Надо же...

И кисть какая аккуратная. Почему он раньше никогда не обращал внимания на женские кисти?

Иван сделал шаг вперед, одновременно притягивая девушку на себя. Вот так. Отлично. Теперь она полностью прижата к нему, хотя и пытается отодвинуться.

И глазищи какие... Черт! Разве бывают у женщин такие выразительные, кстати, как и у него, серые глаза? Правда, в них проблескивали ещё и голубые оттенки.

Красивые...

Ничего, он потом в них посмотрит.

Сейчас же...

Коваль недобро продолжил, не позволив девочке ответить на его реплику:

– Потому что я тоже знаю, кто ты и с какой целью сюда пришла.

Девочка приоткрыла красивый ротик, точно удивилась. Но у Коваля все мысли утекли в другую сторону, он уже видел, как проводит налитым кровью членом по этим губам, дразня и будоража в первую очередь себя.

– Вы... знаете?

– Конечно. И протекция тебе будет обеспечена.

На этом разговоры закончились. Её алые губы, изумительно розовые, чуть припухлые, манили и притягивали похлеще магнита.

Терпение Ивана закончилось.

Хорош.

Второй рукой он потянул Веснушку за косу, которая так же выступала не меньшим возбудителем. Да чего говорить! Девочка попалась ему сплошное искушение.

– Я не...

Она продолжала играть выбранную роль, и Иван не выдержал:

– Хватит! – обрубил её на корню. Если бы кто-то из его подчиненных услышал этот тон, сразу приутихли бы, осознав, что подошли слишком близко к черте, за которую переступать не стоит.

Коваль впился в чертовы манящие губы девчонки и сразу же атаковал их, не церемонясь. Он сказал ей правду. Знал, зачем она сюда пришла – затем, чтобы он её трахнул.

Разговоры потом. Она хотела уточнить – уточнила.

Ваня не ошибся – она оказалась сладкой. Он зафиксировал руку на её затылке, чтобы девочка даже не смела думать, что сможет снова изворачиваться. Время игр прошло!

Её губы... трепет тела... Сука! До чего же хороша! Даже не заметил, что она не отвечает, лишь слышал, как слабо постанывает и всё пытается отодвинуть бедра, чем сильнее раззадоривала его. Член дернулся в штанах, яйца окончательно потяжелели, заломили. Если он её не возьмет прямо сейчас, у него сперма польется откуда можно и нельзя!

Сладкая... Иван проник языком между её губ и начал трахать её рот, показывая, что он собирается с ней сделать. Затем переставил ноги, вынуждая её снова двинуться назад.

К стене.

Вплотную.

Вот так. Идеально.

Нахер диваны и кровати. Он возьмет её прямо тут, в коридоре.

Камеры в доме стояли повсюду, позже позаботится, чтобы запись уничтожили. Нечего кому-то смотреть на его зазнобушку.

Коваль прижался к ней плотно, чувствуя, как её упругая грудь расплющивается о его. Приятно... Охрененно. Ладная, словно выточена под него. Он дурел с каждой проходящей секундой всё сильнее. От её запаха, тела. От того возбуждения, что она в нем вызывала.

Он целовал, усиливая напор, желая получить её всю. Не отпуская кисть, направил её вниз, к возбужденной плоти, но тут Веснушка засопротивлялась активнее, выдергивая руку.

Неужели на самом деле такая стеснительная?

Черт с тобой, девочка... Пусть в первый раз будет по-твоему. Своё он стребует через полчаса.

Потому что Веснушку Коваль отпускать быстро не собирался. Не сегодня точно. Его тело скрутило от предвкушения. Они будут играть долго. Милая, поэтому готовься.

Зажал руку между их телами. С неё станет, что попытается выпустить ногти. А вот этого уже Иван не потерпит. Поэтому пусть пока постоит в таком положении.

Он едва ли не рычал от удовольствия, наслаждаясь происходящим. Внутри всё пылало от нетерпения.

Девочка идеально вписалась в его потребности. Если бы она с готовностью встала на колени и отсосала у него, ему бы зашло, но не затронуло. Хотя...

Она ему понравилась. Странное ощущение, несвойственное Ивану. Ладно, с этим он тоже разберется чуть позже.

Не влюбился же на самом деле с первого взгляда в начинающую шлюшку?

Мысль о том, что конкретно эта девушка, имени которой он до сих пор не спросил, пришла к нему, получив щедрое вознаграждение, да ещё и аккуратно уточнила, правильно ли они понимают друг друга, неприятно царапнула изнутри, вызывая новую агрессивную волну, которая только-только улеглась немного от поцелуя.

Иван, внутренне рыча, списывая свои эмоции на недавние мысли про дальнейшие планы на жизнь, оторвался от губ незнакомки и, не заглядывая в огромные глаза, крутанул её, снова поворачивая спиной к себе.

Его интересовала её аккуратная попка.

- Стой и не двигайся.

На этот раз она его послушалась.

Тяжело дышала.

Готовилась...

Ждала его...

Правильно.

Такая покорная она ему нравилась ещё сильнее.

Иван жадным взглядом окинул её тонкую спину. Гибкая, как у профессиональной спортсменки. Талия тонкая, переходящая в крутые бедра. Всё, как он любил. Кто-то хорошо постарался, подбирая эту девочку для него. Или же, что больше походило на правду, знал, что Коваль в ближайшие полгода приедет на базу, и девочку специально готовили для него. Выжидали.

Что ж... Это тоже правильно.

Он привык, что всё по его. И для него – тоже.

Почему бы и нет? Иван Коваль хорошо платил за свои удовольствия. Рыночные отношения на то и рыночные, всему всегда имеется цена.

Мужчина дернул за ремень на брюках Веснушки. Тот с готовностью поддался. Дальше дело пошло быстрее. Иван руководил всем процессом. Не теряя времени, дернул zipperом и отдал следующий приказ:

– Руки на стену, солдат!

Несмотря на то, что Коваль прорву лет провел в армии, его заводила игра в офицера и подчиненную. Тем более такую...

Дыхание распирало грудь Ивана. Обжигало. Мужчина торопился. Ему уже не терпелось оказаться между ножек зазнобы.

И да! Ему нравилось, что она стояла, не шевелясь.

Продолжала играть...

Что ж. Отлично.

Иван сдернул её штаны и зарычал от предвкушения, когда увидел гипюровые бежевые трусики, красиво прикрывающие ягодицы. Похоть с новой ускоренной силой разлилась по крови, окончательно вымещая все разумное. Если бы сейчас за окном взорвалась граната, Коваль никак не отреагировал бы.

Он сдернул с себя спортивные штаны, сразу же с боксерами.

– Переступи через штанину.

Мужская рука властно опустилась на ягодицы и с силой сжала. До легких красных отметен, что, вероятнее всего, завтра перерастут в едва заметные

синяки. Ему захотелось её пометить. Сначала таким способом, а скоро и другим. Жаль, не может быть в ней уверен на сто процентов. Иван хотел секса с Веснушкой без презерватива.

Млять, когда его в последний раз штормило с такой непреодолимой силой? Да и штормило ли вообще!

Он чувствовал себя едва ли не дикарем, который женщин годами не видел, а сейчас дорвался.

Пока Веснушка выполняла очередной его приказ, он достал презерватив, быстро присел и впился губами поочередно сначала в одну ягодицу, потом во вторую. Веснушка что-то запищала, Ваня не расслышал. В подробности вдаваться не собирался. В висках запульсировало, в груди разрастался пожар.

Иван выпрямился и ещё раз окинул Веснушку взглядом.

Стоит малышка, дрожит от предвкушения. Или от легкого страха, потому что наслышана про грозного полковника Ковалья, что скор на расправу. Девочек он не обижал. По крайней мере, физически точно. То, что сутками не выпускал из постели, так это нормально для молодого и физически крепкого мужика.

Он продолжил смотреть на неё, раскатывая презерватив по члену.

Что в ней такого, что нехило его зацепило? Ладно, потом разберется.

Подался вперед, пальцами дотрагиваясь до желанных складочек. Суховата. Что же не подготовилась по итогу-то?

Коваль мотнул головой, сам себе напоминая кобеля. Быстро смочил пальцы и увлажнил девочку хотя бы таким образом. Рвать он её не собирался. Если бы его не выворачивало наизнанку от вожделения, он, возможно, и поиграл бы с ней в более откровенные игры. Но раз она сама создала сценарий...

Иван обхватил шею Веснушки рукой, поглаживая и фиксируя.

И начал входить.

Да... Вот так.

Перед глазами от наслаждения вспыхнули красные точки. Охренеть! Какая же узкая! Точно по его указу.

Она обтягивала его, как кожаная перчатка, сшитая на заказ. Как только Иван начал входить, Веснушка дернулась, словно попыталась уйти, вывернуться. Избежать проникновения.

- Куда...

Он усилил хват и вошёл сразу на всю длину. Девушка едва ли не впечаталась в стену, но ему уже было всё равно.

Вот она, сладкая. Коваль приглушенно застонал и задвигался резче, глубже, растягивая её под себя. Знал, что природа не обделила его мужским достоинством, и в большинстве своем дамочки пищали от восторга, лаская его член руками и губами. Хотя и признавались, что порой требовалось время, чтобы привыкнуть к его размерам.

Если бы он внутренне не горел с такой испепеляющей силой...

Если бы его не терзал голодный зверь...

Если бы...

Возможно, он и притормозил бы. Но Коваль четко знал: Веснушка пришла к нему сама. Знала, что будет. Ведь знала?.. А если и нет, потом компенсирует. Девочка в обиде не останется.

Он снова застонал, сильнее прижимая её к себе. Насаживая глубже. Она убрала одну руку со стены, отвела назад и попыталась оттолкнуть его, раздирая короткими ноготками кожу на его торсе. Коваль лишь сильнее потянул девочку на себя, наслаждаясь её узким лоном и теми крышесносными ощущениями, что получал от каждого толчка.

От каждого движения...

Он мог бы растянуть акт надолго. Он умел и сдерживаться, и прерываться. Но зачем? Лучше через полчаса снова натянет Веснушку, но уже в более комфортном положении.

И разденет.

Он хотел видеть её грудь.

Её соски.

Хотел рассмотреть её розовые губы.

Видеть её всю... расслабленную... смотрящую на него с легкой поволокой в глазах... Ждущую его.

Коваль сильнее сжал рукой талию девушки, ускорился, не замечая, как девочка встает на цыпочки в последней попытке избежать его таранящих движений, и кончил.

– Охрененно, – выдохнул Ваня, озвучивая свои мысли вслух. – Тебя трахать и трахать надо, Веснушка.

Он не спешил покидать её тело, наслаждаясь теплом. Приходил в себя, возвращаясь в реальность. А она встречала его не с распростертыми объятиями.

Первое, что насторожило Ивана – плечи веснушчатой зазнобы. Они сотрясались, как бывает от сильного внутреннего напряжения или... от подкатывающей истерики.

Иван нахмурился. Что за млятство?

– Эй...

Он подался назад, выходя из малышки. И нахмурился сильнее, потому что на презервативе отчетливо виднелись капли крови.

Черт! Всё-таки порвал девочку из-за своей несдержанности. Коваль снял презерватив и кинул его на пол, не заботясь о чистоте помещения. Уберут.

- Ты как? Ну-ка, повернись ко мне своим красивым личиком. Что ты там надумала и что с тобой произошло?

Девушка мотнула головой, а потом начала оседать. Он вовремя успел поймать её, она сразу же вцепилась пальцами в его кисть, оставляя кровавые борозды. Коваль зашипел уже от раздражения. Кошка! Дикая... Но ничего, приручит.

- Не царапайся! Какого черта?

Он крутанул её на себя.

И увидел мокрые от слез щеки.

- Вот тебе и Саравия... - едва размыкая губы, прошептала она.

Ивана точно парализовало. Каждая клеточка тела налилась тяжестью. Агрессивной и нехорошей.

Ивана повело.

- Что. Ты. Сказала?

Глава 6

Грязно матерясь, не выбирая выражения, Иван натянул на себя штаны, потом принялся за девочку, которая стояла и по-прежнему смотрела на него невидящим взглядом.

У неё шок.

Шок, черт побери!

Что тут только что произошло?

Девушка, которой он щедро заплатил за секс, себя так не поведет!

– Говори! – потребовал Иван, когда брюки девушки оказались на её талии.

Но, кажется, у незнакомки были другие планы.

Потому что внезапно она громко всхлипнула и толкнула его в грудь:

– Ты!.. Вы!.. – она подбирала слова, жадно хватая воздух, а он, ещё не отошедший от секса, смотрел на неё как последний придурок и терялся.

Глаза незнакомки ожили, в них появился притягательный яростный блеск, которым она грозила сжечь его до горстки никчемного пепла. Иван, несмотря на последнее заявление девочки, зачарованно уставился на неё, не в силах оторвать взгляда.

Злость женщин раздражала его в ста процентах случаев. Даже мамина и сестрёнки.

– Тихо, – он поднял руку, усмиряя рождающуюся на его глазах тигрицу.

– Тихо? Тихо?! Вы... – она снова толкнула его в обнажённую грудь, уже сильнее. – Вы... Да лучше бы я в тюрьму пошла, чем с вами... вот так! И... и вообще! Вы же Коваль! Вы не могли...

Запал у девочки пропал так же быстро, как и появился.

Из её почти пламенной речи Иван выцепил лишь самое основное: её отправили сюда во избежание судебного срока. И что успела натворить эта малышка?

От бывшего удовлетворения не осталось и следа.

Иван Коваль никогда не был хорошим парнем, но и насильно девочек не брал.

Никогда.

В этом вопросе мама их воспитывала строго.

Любить – можно. Физически обижать – нельзя.

Иван моргнул. Что-то становилось паскудно на душе...

И это её «вы же Коваль» сказано с неким придыханием.

Но обвинительным.

Он ничего больше не понимал.

– Так, – сказал, обрезая новый поток надвигающейся истерики. – Хватит. Сейчас мы идем в кабинет, и ты мне всё рассказываешь. Кто тебя сюда прислал и зачем. А потом уже мы...

– Никуда я с вами не пойду! И отойдите от меня! Дышать не могу...

Последнее предложение прозвучало тоже обвинительно.

Иван расправил плечи и жестко продолжил:

– Мои слова не обсуждаются.

– Приказы, вы хотите сказать, да?

Она подняла руку и совсем по-детски кулаком убрала слезы со щек.

Второго акта точно не будет...

Не сегодня.

- Пошли.

- Нет. Я уйду, и вы можете звать ваших людей, пусть они меня арестовывают! Я с вами... Ай!..

Ивану надоело слушать лепет Веснушки, и мужчина пошел на кардинальные меры. Хуже того, что он уже натворил, не будет.

Натренированными движениями ловко перехватил её за талию и поднял на руки, предусмотрительно предупредив:

- Только попробуй ещё раз ногти в ход пустить!

Сказал, а у самого засосало под ложечкой оттого, что серо-голубые глаза, в которых плескалась очевидная обида, всё ещё были наполнены слезами.

Ладно... Не в таких ситуациях бывал.

Она сжалась, натянулась, едва ли не превратившись в струну. Он, стараясь никак не реагировать, быстро направился в сторону кабинета.

Там есть бар. Нажрется. И её напоит. Чтобы нормально объяснила, что к чему.

И легкая какая... Пушинка просто.

Через пару шагов девочка и вовсе притихла. Он даже перестал слышать, как она дышит. Лишь чувствовал...

Его продолжало крыть.

Если Веснушку заставили прийти сюда и лечь с ним, что получается? Он её изнасиловал?

Но кто, сука, на такое осмелился? Кому жить на Руси хорошо надоело?!

Иван снова закипал. Он ведь узнает. И мотивы, и кто кому сколько заплатил. Доберется до основ, и тогда... Небо с овчинку покажется.

Пока шел, снова и снова прокручивал последние десять-пятнадцать минут в голове.

На территорию закрытой военной базы ни одна гражданская девушка не войдет. Блокпост остановит, плюс по территории камеры, ток пущен, собаки. Это на первый взгляд база выглядит нелюдимой, почти списанной. В реальности дела обстоят иначе. Всем в округе это известно.

И не в округе – тоже.

Какая существовала вероятность, что Веснушка гражданская? Плюс на ней армейская форма. Не гражданский камуфляж, а именно их форма.

Значит, служит.

Так?

Девочкам в армии в принципе сложно. Или ты каждый день доказываешь, что в тебе есть стержень, наравне с мужиками бегаешь по плацу, выполняешь команды, едешь в командировки в тмутаракань, а то и в зоны боевых действий, или ложишься. Под кого? Также актуальный момент. Или находишь одного покровителя, который продвигает и оберегает тебя, а потом пристраивает на хлебное тихое место. Или под каждого, на кого укажут: под проверяющего, вышестоящего. Под любого. И хорошо, если заплатят, отблагодарят.

А его Веснушка? Что она забыла на его базе?

Мог ли он ошибиться и принять её не за ту? Не за девушку из второй категории? Тогда что она делала на базе? Как сюда попала?

И на блокпосту майор знал, что он приехал.

Чужих здесь не могло быть.

«Вы же Коваль...»

В памяти Вани снова всплыла именно эта её фраза. Звучала с подтекстом легкой викторианщины: вы же джентльмен, вы не можете поступить подло. Так выходило, или у него окончательный перегрев серого вещества?

Иван снова приглушенно выругался.

Как ни крути, а выходило, что в отношении Веснушки он порядком накосячил.

И капля крови не давала ему покоя.

Он, конечно, был немного несдержан, но не порвал же её до крови!

Ивану захотелось кое-кому проломить голову.

Кабинет находился рядом, его мужчина открывал ногой. Дверь была незакрыта, он недавно вышел из кабинета, просматривал документацию, прежде чем отправиться в спортзал. Тут же находился и телефон.

На базе почти никого не было. В кабинет без стука и разрешения не войдут. Высокотехнологичные камеры, доступ к которым имелся лишь у него, работали круглосуточно.

Войдя, так же ногой прикрыл дверь, отчего та захлопнулась с приглушенным стуком. Недолго думая, Иван сразу же направился к большому угловому кожаному дивану. На него усадил Веснушку и не без досады заметил, что девушка сразу подобрала под себя ноги, отгораживаясь от мужчины.

Полный треш.

– Как тебя зовут? – спросил ее, выдвигаясь к бару.

В ответ тишина.

Вот же ж...

Коваль с такой силой сжал зубы, что послышался скрежет. Напряжение в теле не покидало его, напротив, закручивалось спиралью.

Если узнает мама...

Он, конечно, большой мальчик, и гнева родительского давно не боится. Но на фоне недавнего разговора получится паршивенько. Екатерина Викторовна возьмет Веснушку под своё крыло, и тогда хрен он её больше получит. По крайней мере, в ближайшее время.

Коваль, ты совсем рехнулся?! Оборвал себя Иван. Не о том думаешь, озабоченный придурок! Веснушку, по ходу, не хило подставили. Тут в Иване проснулась некая темная сторона, оскалилась от какого-то садистского предвкушения... Да и его... тоже подставили. А он о чем думает? О том, что мать запрет красавицу за семью замками и заставит сына петь серенады под окном!

Иван налил сначала себе. И сразу же выпил. Горькая жидкость обожгла горло, но не расслабила ни тело, ни мозг. Иван плеснул виски во второй стакан.

– Я жду ответа, Веснушка.

Коваль развернулся и увидел, что девочка смотрит на него.

Уже хорошо...

Не забила, не впала в ступор.

Напротив, судя по прищуренным глазам, настроена малышка по-боевому.

– Слава.

– Слава? – повторил он, пробуя её имя на язык. Подлинность имени не вызывала сомнений. Такое же яркое, необычное. – А полное? Ярослава?

– Да.

– Что ж... Вот и познакомились, Слава. Держи.

Коваль подошёл к дивану, попутно отмечая, что с его приближением Веснушка снова подобралась. И куда она в случае чего собиралась от него бежать? Или намеревалась на него наброситься? Неразумно.

Драться с ней мужчина не собирался.

Девочка посмотрела на стакан в его руке и покачала головой.

– Тебе надо выпить.

– А вы... уже снова всё решили за меня, да?

– Веснушка-а, – предупреждая протянул он, наклоняясь.

Возможный близкий контакт привел девушку в движение. Она снова что-то неразборчиво пробормотала и быстро взяла у Ивана стакан. Не посмотрела на Ковалья, поднесла стакан ко рту и принялась пить. Ваня как зачарованный смотрел на девушку. И чем больше смотрел, тем сильнее чувствовал себя не в своей тарелке.

Подмечал всё. Как гневно сверкают серо-голубые глаза. Как трепещут длинные ресницы. Как кровь приливает к щекам. Как открываются красивые губы... И как капля спиртного стекает по подбородку и падает в вырез майки.

Дыхание у Вани снова потяжелело, во рту пересохло. Его реакция на эту девушку была нездоровой. Сто процентов. Он, как маньяк, как долбаный сталкер, следил за каждым её движением.

Слава выпила всё до последней капли, несильно закашлялась. Девочка явно нечасто пила. Продолжая морщиться и приходить в себя, не смотря на него, протянула стакан. Иван взял. Отходить не спешил.

Продолжил смотреть на Славу.

Всё же красивое имя...

- Почему молчала? – процедил, не размыкая губ.

Этот вопрос тоже не давал ему покоя.

- Что почему? – недружелюбно уточнила девушка, отнимая руку ото рта.

- Почему, млять, молчала, когда я с тебя штаны стягивал? – Иван из последних сил сдерживался, чтобы не перейти на повышенный тон.

- А что я должна была делать? Драться?.. Звать на помощь? Я попыталась, а вы меня развернули и... Посмотрите на себя и на меня. У меня шок... Вы сзади, большой, сильный... Как орангутанг.

Кто?

Мать вашу, кто?!

- Сла-а-ва...

Они были знакомы совсем недолго, и поэтому она не могла знать, что когда полковник Коваль начинает говорить с вкрадчивой интонацией, лучше поостеречься.

- Я почти готов в тебя влюбиться и сто процентов – напиться.

- Вот по первому вашему замечанию – упаси боже. А второе... Вы не поверите, но я готова сделать то же самое, – Слава странно шмыгнула носом. – Напиться. И да, я считаю правильным вас предупредить, что у меня непереносимость алкоголя.

То есть эта зазноба сейчас таким образом послала его в пешую прогулку?

Чем дальше – тем интереснее.

Иван оглядел кабинет. Куда-то он закидывал футболку.

Наконец, обнаружил ее на рабочем кресле.

Орангутанг, значит.

Ну-ну.

Женщины его периодически сравнивали с горным животным и, пожалуй, чаще всего обзывали скотиной и ублюдком. Тут всё по сценарию. Ничего нового. Слава же... крыла. По всем фронтам.

Борясь с желанием раздавить стакан пальцами, Иван поставил его на стол, быстро натянул футболку на потное тело. Продолжит соответствовать названной регалии.

- И вообще... - голос Славы снова мгновенно забрал весь акцент на себя. - У меня стресс. Или уже постсиндромное состояние... Я не знаю. У меня сейчас истерика начнется.

- А вот этого не надо, Веснушка. Сейчас будет разбираться во всем.

- Стоит ли...

- Стоит. Уверяю.

То, что девочка не кричала, не ругалась, не пыталась выцарапать ему глаза, говорило о её стрессоустойчивости. Не зря она в армию пошла.

Или... не пошла?

Почему интуиция Ивана постоянно толкала именно в эту сторону? А чутье редко подводило Ковалю.

В кабинете не было ничего из закусок. Вызвать повара? Чтобы принес нарезку? Иван посмотрел в сторону Славы и откинул эту мысль. Пока они не разберутся, что к чему, никаких посторонних людей.

Будут закусывать «таким». Быстрее опьянеют.

Коваль снова взял бутылку, достал небольшой поднос. Поставил на него бутылку. И два стакана. Откровенно не густо. Но что имеем.

Теперь вставал вопрос: куда податься самому Ивану? Присаживаться рядом со Славой – не вариант. Не исключено, что его присутствие рядом послужит спусковым курком, и девочка сорвется.

А она ему нужна в трезвом уме и не совсем трезвой памяти.

Слишком много вопросов.

Молодому мужчине пришлось импровизировать на ходу.

Он подкатил второе кресло к дивану. Между мебелью поставил небольшой столик.

Почти идеально.

Между Иваном и Славой находится мебель. Для девушки она должна послужить неким барьером, защитой от него.

Коваль незаметно сжал руки в кулаки. Мысль, что понравившаяся ему девушка – а Веснушка ему понравилась и сильно! – считает его недругом, от которого надо держаться подальше, сильно раздражала. Чего греха таить, не привык он к такому восприятию.

Да и чувствовать себя насильником – тоже.

Слава внимательно следила за его передвижениями. А он кожей чувствовал её взгляд, и, несмотря на случившееся ранее, он его возбуждал. Иван прилагал максимум усилий, чтобы держать себя в рамках разумного. В конце концов! Он же не... орангутанг, выбежавший из леса, и женщины для него не в новинку. У него нет потребности... спариваться, как обозначенное выше животное.

Бросив взгляд на Веснушку, Иван усмехнулся: или есть?

– В какой части ты служишь? – спросил, решив начать с малого. После чего наполнил стаканы, стараясь хоть чем-то себя отвлечь.

Слава приглушенно фыркнула, настолько тихо, что он почти не услышал.

Но всё же разобрал.

Та-ак...

– Я не служу.

Значит, интуиция Ковалёва не подвела.

– Подробнее можно?

С ответом Веснушка не спешила, свела брови на переносице и сильнее обхватила плечи руками.

А потом сокрушенно вздохнула, когда Иван протянул ей стакан.

– Пей.

– Я предупреждала вас... Повторюсь, у меня непереносимость.

– У нас у всех периодически случается непереносимость.

Слава взяла стакан, стараясь не соприкоснуться с пальцами Ивана. Осторожничает...

Не подозревая, что с каждой проходящей минутой его интерес к ней только подогревается. Всем. Её взглядами, неторопливой речью. Запахом.

Если раньше Иваном двигали низменные инстинкты, сейчас пришла осознанность. Ещё не полная. Но чем больше времени он проводил в обществе Веснушки, тем сильнее в нем пробуждалась некая незнакомая ему потребность.

В чем именно она заключалась – он и будет сейчас разбираться.

– Хм... Я вас предупредила. Дальше... как знаете.

Всё-таки она очаровательна.

Иван пять минут назад взял её насильно, а эта девочка его о чем-то ещё и предупреждает.

И где такие водятся?

Слава некоторое время смотрела на стакан, словно в нем не виски было налито, а яд. Потом снова сокрушенно выдохнула и решительно поднесла стакан ко рту. Иван не пил – наблюдал за ней. Не мог оторваться от девочки и всё тут.

Неужели невестка оказалась права? И он, как в своё время Дмитрич, сходу встрял?

Слава выпила, сильно морщась, потом прижала тыльную сторону ладони к губам, приходя в себя. Иван тоже выпил, попутно отмечая, что алкоголь пока не брал. Его организму была присуща некая черта: если того требовали обстоятельства, он мог пить, не пьянея.

Пока сам не определился, каким хочет по итогу быть: пьяным или слегка хмельным.

– Я ненавижу армию, – Веснушка начала говорить без его прямых вопросов. – Ненавижу всё, что связано с ней. Мой отец был военным... И из-за этого я жила не с ним. Вы военные – нехорошие люди. Возможно, не все, но многие. И не говорите мне, что военные не воюют, а защищают! Я столько раз слышала это, что...

Она махнула рукой, в которой по-прежнему находился стакан.

– Значит, ты, Слава, пацифистка.

А он военный. Сросшийся с армией человек...

– Угу. Наверное. Я не знаю. Не думала об этом. Потому что пацифизм – очень громко сказано. А я довольно скромный человек и... Ой, вот видите, я говорила, что неадекватно реагирую. Дальше будет хуже.

Разговорчивость девушки только ему на руку. Иван даже подался вперед, впитывая в себя информацию, которую она ему давала.

– Если ты не приемлешь ничего военного, как ты оказалась на закрытой базе и почему сказала, что лучше бы пошла в тюрьму? Какое преступление ты совершила?

Слава покачала головой, отворачиваясь.

А вот это зря.

Ивану не понравилась её реакция.

– Скажешь – и мы решим вопрос. Я накосячил с тобой и хочу исправить ситуацию. Хочу помочь. Веснушка, сама знаешь, где мы живем. Моя протекция дорогого стоит.

Она обмолвилась, что узнала его. Значит и про его возможности наслышана. Конечно, не про все. Про всё то, что может семейство Ковалей, знали единицы. Остальным – ни к чему. Крепче спят.

Но даже то, что всплывало наружу, впечатляло.

Поэтому девочка должна понимать, что его предложение о помощи – не для красного словца. Иван после разговора, каким бы он по итогу ни оказался, сделает звонок, и уже через пару часов у этой зазнобы будет подчищена биография. Весь негатив исчезнет, причем изо всех баз. Иван и себе ничего не оставит. Кого-кого, а эту малютку он шантажировать не собирался. Без надобности.

У него на неё другие планы.

– Ваша протекция... Ну да, – девушка вспомнила, что у неё в руках стакан, потянулась, поставила его на столик. При движениях лямка майки немного съехала с плеча, и глаза Ивана сразу же метнулись к небольшой, едва заметной ложбинке между грудями. Хороша...

– Скажите, вам знакома фамилия Ставрис?

По спине Ивана пробежался легкий холодок. Колкий, едва ощутимый. Такое часто бывало, когда он подходил к некой черте, требующей от него неоднозначного решения. Или когда он долго работал над тяжелым проектом и, наконец, достигал результата, полностью удовлетворяющего Ковалю.

И да, ему была хорошо знакома озвученная фамилия.

– Вот, – между тем продолжила девушка, не замечая его тягучего молчания. – Моё полное имя Ярослава Ставрис.

Глава 7

Млять.

Другие слова закончились разом.

Иван взял бутылку и выпил прямо из горла. Теперь они пьют таким образом.

– Ты внучка Георга Ставриса.

Он не спрашивал.

Он утверждал.

– Угу.

– И какого ты... – Иван снова притормозил себя, хотя желание проораться росло в геометрической прогрессии.

Вскочив на ноги, развернулся на пятках и прошел к окну.

Вечерело...

Ещё не темнело, но природа уже лениво разбрасывала предзакатные краски. Ваня любил эти места. Красивые... Завораживающие своей первобытной тишиной и величием. Отчасти поэтому он запретил трогать леса. Восстановили охотничьи угодья, несколько озер. В пруды запустили рыбу. Он даже сам периодически рыбачил, чтобы полностью отвлечься от рабочей суеты. Вырубал телефоны, оставлял только спутниковый маяк, и то тот, который был настроен на спутники, принадлежащие его семье.

Большинство знакомых привыкли видеть Ивана Ковалья другим. В хорошем настроении он часто балагурил, особенно в прошлом. Сейчас – пореже. Потому что даже в клубах начал отрываться иначе. Всё реже посещал общественные зоны, всё чаще выбирал ВИП-кабины. И тишину.

Если же у него было настроение, чтобы никто не доставал – тут и вовсе другой разговор. Он летел или к океану, или в горы. В последнее время увлекся скалолазанием. Жаль, времени маловато, и с каждым годом почему-то на себя оставалось всё меньше и меньше.

Постоянная жажда получить большее не покидала Ивана.

– Значит, Ставрис, – негромко проговорил он, по-прежнему смотря в окно.

Патруль приступил к вечернему обходу.

Коваль ни к кому не обращался. Картинка медленно, но верно складывалась у него в голове.

Они были мальцами, дед – Иван Гаврилович Коваль, в честь которого его, кстати, и назвали, – частенько брал их с собой. На эту базу в том числе. Дедушка у них был интересным товарищем. И прожил яркую, неординарную жизнь, такую же

желал и своим внукам.

Имелись у него и скелеты в шкафу.

Нет. Не так.

Скелеты в шкафах.

А ещё старший Иван Коваль припас несколько ящичков Пандоры.

Так, на всякий случай.

Чтобы, как он говорил, не баловали некоторые.

Внуки мелкие были, года по три, когда он их начал с собой таскать. Мальчишки больше резвились и почти не прислушивались к тем разговорам, что велись при них. Да и зачем? У них свои заботы.

Потом, постепенно Дмитрич отсеелся. Дед больше внимания начал уделять старшему внуку. И когда встречался с нужными людьми, в комнате или на прогулке часто присутствовал Иван-младший.

Естественно, он не помнил всего. Но у мальчика были отличные учителя, и в первую очередь те озадачивались, чтобы у их воспитанников была отличная память. Её тренировали и развивали. Частенько отец сам занимался с сыновьями по программе, разработанной именно для них. Руслан Анатольевич ставил цель, чтобы его дети максимально развили природные данные. Чтобы им хватало одного взгляда, и они могли запоминать сложные комбинации, пароли, чертежи. Ваня и Дима сжимали недовольно губы, скрипели зубами, но учили.

Потому что раз отец сказал «надо» – значит «надо».

Так же с именами.

Потом Ваня сам включился в игру. Запоминал всё, что видит. Слышит. Повторял нужное, вычеркивал лишнее.

Когда дед ему сказал, чтобы Иван был повнимательнее, Ваня смекнул, что не так просто дед его с собой таскает.

По итогу выводы мальчика оказались верными.

Профессора Ставриса он помнил. Дед их представил, сделав небольшой акцент важности при знакомстве. Полутона Ваня тоже рано научился распознавать.

– Мой ученик, – тогда Коваль-старший так представил профессора.

Ваня не понял, почему ученик. И лишь позже узнал, что их дед тоже занимался научной деятельностью.

На этом воспоминания про Ставриса, возможно, и закончились бы.

Если бы не несколько «но».

Отец не скрывал, откуда пошло благосостояние семьи. До встречи с мамой Руслан Коваль воевал в Саравии, там и наткнулся – хотя «наткнулся» – не то определение, которое можно применять в отношении генерала Руслана Коваля, просчитывающего всё наперед – на скопище исторических вовремя кем-то «подрезанных» памятников архитектуры, а так же на другие ценности. Саравия стала нарицательной в их семье.

Дед после встречи с профессором Ставрисом несколько раз как бы случайно ронял фразу:

– Будет у тебя своя Саравия.

Эта фраза намертво впечаталась в мозг Ивана.

Он нет-нет да пытался разобраться.

Даже сегодня думал об этом... И не сегодня тоже.

Последнее время всё чаще и чаще.

Более того.

Его тянуло сюда, на эту базу. Видимо, не зря... Всё та же пресловутая интуиция? Ни один мускул не дрогнул на лице Ковалея. Лишь полная сосредоточенность.

То, что дыхание сперло в груди – ерунда. Разберется.

А ещё запах свежей травы...

Иван оттолкнулся от подоконника и развернулся. Иногда полезно побыть на расстоянии. По крайней мере, с Веснушкой – точно.

Парадоксально всё получается. Даже очень.

Если бы он причислял себя к фаталистам, то решил бы, что это Судьба показала ему оскал. Но Иван не верил ни в какую Судьбу. Человек сам куёт своё счастье. Своё состояние. Себя.

Даже Веснушка пришла сюда с определенной целью.

И чувствовала себя преступницей, потому что у неё не было официального доступа на базу. Теперь он догнал смысл её фразы.

Девочка... Что же они натворили-то, а?

Червяк раскаяния, который очень редко контактировал с ним, заворочался всё сильнее.

Кому-кому, а Веснушке Иван не хотел причинить вреда.

А причинил.

Обидел он девочку. Незаслуженно.

Сидит, маленькая, ножки подобрала. Потерянная. Что-то отвечает ему, в глаза не смотрит.

Пьет.

Ивана закорезило ещё сильнее.

Что же ты молчала... Или он, настолько опьяненный её запахом, своей похотью, не смог услышать?

Иван осадил себя. Он может часами заниматься самобичеванием. Что сделано, то сделано. Надо думать, как исправить, загладить неприятные ощущения.

Потому что у него на Веснушку были далеко идущие планы.

То, что ей неприятно – также не вызывало сомнений. Он же её почти на сухую взял...

– Что ж, внучка профессора Ставриса, я не буду спрашивать пока про Саравию. Пока, – с нажимом уточнил Иван, прочищая горло. – Наши деды что-то замутили. В прошлом. И ты в курсе.

По тому, как она повела плечами, он понял, что попал в цель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kistyaeva_marina/syn-svoego-otca

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)